

К вопросу о психологической природе идеалов

Источник: Адукація і виховання. 1994. № 10. С. 70–78.

Выражаемое повсеместно беспокойство в связи с возможностью потери нашими людьми высоких идеалов выдвигает немало серьезных проблем, среди которых особое место занимает вопрос о психологической природе идеалов. Попытаемся раскрыть в первом приближении некоторые существенные психологические аспекты проблемы идеала, которые могут иметь значение для решения практических задач.

Содержащаяся в фундаментальном труде С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» трактовка сущности идеала во многом обусловила его понимание в последующих работах: об идеале сказано, что он «может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда — это образ, воплощающий наиболее ценные... человеческие черты, — образ, который служит образцом» [17, 530]. Указанные признаки идеала — норма, образ, образец — составляют непеременимые атрибуты его определений, приводимых в энциклопедиях, справочных словарях и специальной литературе (см., например, [4, 195; 3, 31; 20, 153; 6, 109]). В психологии идеалу уделяется минимальное внимание, о чем, в частности, свидетельствуют такие факты: в «Психологическом словаре» [10] не нашлось места для термина-понятия «идеал» (правда, там есть статья «нравственный идеал», написанная в этически-назидательном тоне); что же касается вузовского пособия по психологии, то в немногих строках, отведенных идеалу, он трактуется как нормативная категория («каким должен был бы... субъект стать, чтобы соответствовать социальным нормам») и приравнивается к «ориентир в самовоспитании личности» [9, 217].

Значительный интерес к идеалам проявляют философы, которые, как постараемся показать, почти все внимание сосредоточивают на вопросах методологии, оставляя вне поля зрения многие конкретные и злободневные проблемы. В рамках журнальной статьи нет возможности дать даже беглое обозрение обширной философской литературы по идеалам; остановимся только на более типичных ее недочетах, преодоление которых предполагает введение психологической координаты.

Характерной особенностью большинства философских работ об идеалах является их догматический подход: центральное место в них занимают толкования одних и тех же цитат классиков с привлечением всего арсенала методологических, гносеологических, логических и даже психологических категорий, которые равно могут быть использованы при анализе любой проблемы. Авторы ставят такие вопросы, как «раздвоение синкретического единства материального и идеального», «противопоставление субъекта объекту», «альтернативность и полиморфичность» [18, 205, 210], «полиструктурность», «упорядоченность элементов в системе», «диалектическое единство и противоречивость» [2, 53–58], «всеобщность и единичное», «диалектика абсолютного и относительного» [3, 135, 163], «выведение общего», «диалектика исторического и логического... конкретного и абстрактного» [20, 159, 168], ощущения, восприятия, сознание, эмоциональное и интеллектуальное и т. д. и т. п. И за всем этим каскадом понятий и терминов в контексте то очень тривиальных, то усложненных вербальных построений не

улавливается стремление отдифференцировать идеал от норм, хотя именно благодаря выяснению специфики (а это хорошо известно философам!) мы в состоянии постичь сущность. Более того, ряд авторов настойчиво проводит отождествление [71] идеала с нормой [4, 195; 3, 31; 20, 153]. Дело не только в бессмысленном удвоении сущностей — включение идеала в нормативную категорию неизбежно приводит к его одностороннему, чисто «этическому» пониманию, то есть неявному присовокуплению к нему эпитетов «передовой», «благородный», «прогрессивный» и т. д. И вполне естественно, что из всего богатого и многообразного веера идеалов предметом рассмотрения становятся исключительно «хорошие» идеалы: общественно-политические — справедливый и совершенный государственный строй, а также гармонически и всесторонне развитая личность. Произвольно суженный выбор фактов неоправданно ограничивает психологическое исследование, призванное охватить всю совокупность рассматриваемых явлений, независимо от их этической оценки¹.

Делаемый философами главный упор на общественные идеалы, в которых «отражается историческая необходимость и потребность прогрессивных классов» [20, 166], приводит к тому, что идеалы субъекта либо просто игнорируются, либо изображаются как производные от социальных, якобы способных в силу своей значимости автоматически внедриться в индивидуальное сознание. Подобное отношение к субъекту, обязанному всегда выполнять ту или иную деятельность и смеющему иметь потребности и интересы и быть даже носителем общественных идеалов, но только не своих, является логическим следствием более глобальной позиции, которая диктовала нам многие годы одно и то же: отдельный человек — это маленький винтик.

Фактическое пренебрежение субъективным фактором, безразличие к человеческому «я» обусловило игнорирование философией такой проблемы, как соотношение источника идеала и его «адреса» — предполагаемого носителя. Так, в рассуждениях о различии «деятельности, установок и ценностей» в идеалах «мужественности» и «женственности» [3, 91] не учитывается, кем создаются эти идеалы²; ведь идеал женщины, созданный мужчиной, едва ли всегда совпадает с идеалом женщины, созданным ею; точно так же идеалы экзаменатора у него самого и у студентов далеко не одинаковы. Следовательно, абсолютный, безотносительный к субъекту идеал представляет собой бессодержательную абстрактную фикцию.

Одним из существенных аспектов проблемы идеалов является вопрос об их реализации и реализуемости. И именно освещение этого аспекта в обозреваемой философской литературе заслуживает самого большого упрека. Мы имеем в виду безоговорочные утверждения авторов о «достижении социалистического идеала», которое усматривалось в провозглашенном официально «созревшем социализме»,

¹ Общеизвестны такие строки в «Онегине»: «мой идеал теперь — хозяйка», слова Чацкого «муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей — высокий идеал московских всех мужей»; наконец, в воспоминаниях одного из сыновей Льва Толстого приводится материал под названием «Идеалы Ясной Поляны», в котором каждому ее обитателю приписывается кратко сформулированный идеал: наряду с такими «Нищета, мир и согласие» (идеал Толстого), «Вечная молодость. Свобода женщин» (идеалы сестры жены писателя), есть и другие — «Изящество», «Звуки гитарных струн», «Ихняя свадьба» [7, 185–186]. Хотя о подобных идеалах говорится главным образом иронически, все они реальные феномены.

² Еще в ранних работах по социальной психологии подчеркивалось, что у многих народов идеал женственности формировался с позиции мужчин, которые в ее лице хотели иметь существо покорное, преданное, беспрекословно угождающее супругу [22, 679]. С наступлением эмансипации женщины, со своей стороны, создают нередко такой идеал мужественности, в который многим мужчинам нелегко вписаться.

а также зримых воочию «несущих конструкций» коммунистической формации [3, 163–165], «совпадении интересов личности и общества», «отсутствии консервативных сил» [8, 156, 142], «усилении социальной однородности общества» [6, 45] и многом другом. Жизнь убедительно показала, насколько все [72] эти радужные иллюзии далеки от реальности.

Высказывая критические суждения в адрес сложившегося взгляда на сущность идеала, мы одновременно стремились наметить основные конструктивные направления нашего психологического поиска. Итак, что следует понимать под идеалом?

Мы видели, что специфика идеалов нивелировалась из-за отождествления их с нормами, следовательно, осмысление сущности идеалов предполагает сопоставление этих в чем-то на поверхности близких, но отнюдь не идентичных реалий.

При всем многообразии культурных норм (правовых, этических, эстетических, логических и просто конвенциональных — условных) в психологическом плане все они выступают в качестве **требований**, невыполнение которых заслуживает соответствующего наказания: от суровых общественных санкций до осмеяния³. Совершенно иначе обстоит дело с идеалами — недостижение их не является поводом для преследования и наказания, скорее, наоборот, оно нередко вызывает сочувствие и сострадание окружающих — мол, человек с такими идеалами достоин лучшей участи, более высокого положения на иерархической лестнице и более расторопной жены...

Если нормы, как правило, навязываются человеку извне и несут в себе нечто ему «враждебное» (это касается и «личностных» норм, вырабатываемых им самим для себя и отличающихся такой же, а подчас и еще большей жестокостью), то идеал представляется чем-то внутренне естественным и благожелательным — иначе он бы не был идеалом. Идеал, скажем, это картины благополучия, счастливой жизни, беспрепятственного удовлетворения потребностей. Вот почему для усвоения культурных норм институированы сложные системы длительных педагогических мероприятий и неумолимых правовых уложений, между тем идеалы легко складываются уже у детей, когда, например, они предпочитают находиться в старомодном доме деда, в котором чувствуют себя более уютно, нежели в современной родительской квартире, где испытывают гнет ограничений и запретов, то есть необходимость неукоснительного выполнения норм. В целях наглядности можно воспользоваться такой аллегорией: нормы пристально, строго и взыскательно следят постоянно за нами, а идеалы улыбаются нам благосклонно и многообещающе.

Все сказанное, кажется, подводит к исходной характеристике идеала, который может рассматриваться как **предпочитаемая субъектом модель решения всевозможных жизненных проблем** (личных и семейных, межличностных и общественно-политических, производственных и творческих и т. д.), включая выбор объектов для удовлетворения потребностей. Под субъектом подразумевается как индивидуум, так и группа (популяция), имеющая какую-либо общность (этническую, классовую, профессиональную); модель может представлять собой отчетливо создаваемые вербально-логически организованные конструкции, или набор ярких образов, или, наконец, расплывчатые и аморфные представления; разумеется, в одной модели могут сосуществовать все три указанные формы.

Глобальный вопрос, который прежде всего решается в идеале, — это отношение к реальности — принятие или отвержение ее. (Строго говоря, нормальными людьми целиком реальность и не отвергается никогда, речь может идти только об

³ Подробнее о психологической проблематике норм см. [16].

отдельных ее сторонах: общественно-политическом укладе, способе распределения благ, видах взаимоотношений между людьми и т. п. Приверженцы наиболее радикальных идеалов не отказываются от радостей жизни, наслаждения искусством, и даже в аскетическом идеале, отклоняющем многие натуральные положительные эмоции, сохраняют[:73]ся связи с существующей реальностью, скажем, стремление утвердить в ней примат духовного начала.)

Для определенного контингента населения вполне естественным является безусловное принятие реальности; это и есть идеал обывательской массы, одобряющей существующий порядок вещей со всеми «свинцовыми мерзостями» и не допускающей возможности его изменения. Одной из современных разновидностей такого отношения к реальности является бюргерский идеал «бидермейер», направленный на «гармонизацию» филистера с действительностью с целью обретения им душевного комфорта путем установления «разумного» соотношения между «скромными желаниями и не менее скромными возможностями» (см. подробнее [19, 139–144]). Консервативные идеалы склонны даже в явных пороках и нелепостях видеть особое благо и воплощение высшей справедливости (все это прекрасно высмеял Салтыков-Щедрин; так, пустоплясы уверены, что непосильный труд коняги является чрезвычайно благотворным для него).

При неприемлемости же тех или иных сторон действительности человек создает такие идеалы, в которых все неуютное устраняется — рабство, частная собственность и присвоение плодов чужого труда, сословные привилегии, национальная дискриминация, войны, бюрократизм, зависть, несправедливость. Важно, однако, отметить, что далеко не всегда неприятие некоторых сторон действительности можно квалифицировать как прогрессивные идеалы, сюда, в частности, относятся идеалы анархистов, беспутных людей, правонарушителей и бонвиванов, которые отвергают соответственно общественный порядок, порядочность, ответственность за свои поступки и обязательства перед членами своего сообщества (здесь особенно отчетливо просматривается различие между нормами и идеалами).

Поскольку формирование идеалов в первую очередь предполагает выбор одного из двух противоположных отношений к реальности — принятие или отвержение ее (в указанном выше смысле), глобальные идеалы характеризуются полярностью: консерватизм и революционность, покорность и независимость, приспособленчество и непримиримость; в конкретных условиях поляризация принимает форму более специализированных диад: коллективизм — индивидуализм, нормативность (рутинность) — оригинальность, рыцарство — осмотрительность, вседозволенность — ригоризм, гражданственность — эстетизм. В отличие от взаимоисключающих идеалов предыдущей группы идеалы, составляющие диады второй группы, иногда объединяются, скажем, поэт-трибун заботится и о совершенстве формы своих стихов. Многообразие ансамбля идеалов увеличивается и такими образованиями, которые могут быть названы «антиидеалами»; последние представляют собой модели решения жизненных задач, полностью противоречащие мироощущению субъекта, например низкопоклонство, деспотизм, хамство, национальное чванство.

Итак, существует множество идеалов, различающихся между собой по своей направленности и содержанию и неодинаковых с точки зрения «этической» ценности. Вместе с тем все идеалы отражают глубоко заинтересованное отношение субъекта к реальности и понимание им должного, следовательно, в них с большой полнотой выражена внутренняя сущность, интимный мир человека, популяции.

Какие же психологические механизмы обеспечивают образование идеалов? Мы выделили два принципиально различных пути формирования идеалов в зависимости от диаметрально противоположных отношений субъекта к реальности: одобрения в целом или отвержения ее отдельных сторон. Во втором случае совершенно очевидна необходимость «устранения» неприемлемых сторон реальности, их обесценивания. Однако этот же механизм требуется и в первом случае: ведь приемлемая действительность не бывает полностью безупречной и усмотреть в ней идеал возможно только при условии пренебрежения ее теневыми сторонами, «незамечания» их. Следовательно, одним из существенных механизмов создания идеалов является **механизм обесценивания**⁴.

Вместе с механизмом обесценивания в становлении и функционировании идеалов просматривается другой — прямо противоположный психологический механизм — **повышенная оценка**. Об этом свидетельствует уже само название данной реалии: согласно классическим словарям русского, английского и французского языков, слово «идеал» обозначает мысленный образец совершенства, высшую степень совершенства. Собственно, так мыслится идеал в определении Канта. Идеальный объект в сознании человека **превосходит** все сопоставимые с ним другие объекты — будь то люди, неодушевленные предметы или социальные уклады; в самом деле, прогрессивные идеалы устройства общества изображают жизнь в нем как всеобщее благоденствие, нечто наподобие «земного рая», который свободен от каких-либо пороков и где царствует полнейшая гармония во взаимоотношениях между людьми — счастливыми и разносторонне развитыми. Содержание таких идеалов отлично описано многими авторами, в том числе и упоминавшимися выше (см., например, [3, 18, 54, 83–85, 105, 109, 123, 126, 146; 18, 9, 14; 20, 169; 2, 78; 8, 105]). Любые идеалы (как передовые, так и недостойные) вызывают у своих носителей исключительно положительные эмоции — почтительное отношение и восторг, подъем всех жизненных сил и стремление быть им верными.

Повышенная оценка идеалов выражается и в их устойчивости, сохранности на долгие годы и нередко — на всю жизнь, они активно «противятся» внедрению идеалов другого содержания и способны выдержать превратности судьбы. Мы уже не говорим про верность благородным идеалам героев освободительных сражений и подвижников вольномыслия, и даже не про религиозных фанатиков — такая же цепкая приверженность свойственна и носителям любых идеалов. Она проявляется в «патологическом» поклонении поверженным и скомпрометировавшим себя кумирам, несмотря на доводы разума и фактов, в оберегании самых затаенных идеалов от возможных воздействий внешних факторов. Персонаж пьесы Бориса Горбатова «Одна ночь» — журналист, многие годы проработавший в органах советской печати, в присутствии соседей по квартире, очень остро переживших отход наших частей и обеспокоенных возможностью вступления в город фашистов, вдруг разоткровенничался и начал разглагольствовать о том, как он всю жизнь холил и лелеял в душе идеал обывателя.

Эффект совместного действия обоих психологических механизмов (повышенной оценки и обесценивания) мы постоянно наблюдаем в отношении «идеальных» личностей, в которых носители идеалов склонны видеть исключительно добродетели и игнорируют не только порочащие черты, но даже безобидные сла-

⁴ Весьма примечательно, что указанный механизм виртуально участвует и в создании теоретических идеальных построений, применяемых в естественных науках. Так, в «идеальной жидкости» отсутствуют вязкость, теплопроводность и внутреннее трение, модель «идеального газа» игнорирует взаимодействие частиц, а «идеальный кристалл» свободен от всех дефектов строения.

бости. Стоило, скажем, Вересаеву приподнять занавес, скрывавший некоторые интимные стороны жизни Пушкина и Гоголя, как стали раздаваться раздраженные и негодующие голоса. А, с другой стороны, в издававшихся до перестройки произведениях о войне мало того что авторы наделяли идеализируемого верховного полководца вопреки исторической правде всевозможными личными достоинствами, они еще и приписывали ему чисто внешний идеальный облик (не замечали его маленького роста, изрытого оспой лица, изображали с высоким лбом), вступая в противоречие с бесспорными фактами, отраженными на фотоснимках и в показаниях очевидцев. [75]

Итак, в основе становления и функционирования идеалов лежит совместное действие психологических механизмов обесценивания и повышенной оценки, которые рассматриваются нами как внутренние закономерности продуктивной умственной деятельности и обозначаются терминами «анаксиоматизация» и «гипераксиоматизация» (от греческого корня — «аксио» — «ценить» с приставками «ан» и «гипер» — соответственно — отрицание и «сверх»). Эти закономерности были первоначально выявлены в результате исследования процесса решения нестандартных задач [11], но впоследствии оказались также релевантными для объяснения широкого веера разнообразных феноменов: переживания комического [12], музыкального эффекта [13], особенностей религиозного удвоения мира [14], способов преодоления конфликтных ситуаций в речевой деятельности [15]. То обстоятельство, что анализируемые здесь явления органически увязываются с ранее сформулированными более общими психологическими закономерностями и не требуют введения дополнительных теоретических допущений, служит, как можно думать, свидетельством адекватности предлагаемой интерпретации.

Переходя к проблеме реализации идеалов, важно напомнить о намеченной здесь их исходной дихотомии в зависимости от глобального отношения к действительности. Идеал, построенный в соответствии с действительностью, уже имеет свое конкретное воплощение. Идеалы же, созданные в «пику» ей, остаются в большей или меньшей степени абстрактными образованиями вплоть до начала их реализации и, следовательно, нуждаются в «наполнении» многими «детальями». Недостроенность таких идеалов является их бесспорным достоинством: ведь полная завершенность модели желаемого неизбежно столкнулась бы с жесткими законами существующего. И недаром тенденция внедрить идеалы сопровождается стремлением устранить мешающие им обстоятельства. Так, английский критик Хэзлитт остроумно заметил, что Платон изгнал поэтов из своей республики на том основании, что опасался, как бы их описания естественного человека не повредили придуманному философом идеалу математического человека, которому должны быть чужды страсти и привязанности, смех и слезы, скорбь и гнев, уныние и воодушевление [5, 796]. Разумеется, только с позиции идеализма легко удастся «исправить» неподдающуюся реальность и вписать в нее свои идеалы. А на самом деле внедрение прогрессивных идеалов требует изменения реальности путем революций, реформ, решительных действий и т. д. Подгонка же идеалов под действительность, как правило, ведет к их деформации. В произведении Марселя Пруста «Исчезнувшая Альбертина» («Беглянка») действующее лицо размышляет о том, как люди, будучи не в состоянии изменить окружающий мир, сами постепенно меняют свои желания — и жизнь таким образом берет верх над ними. Это и есть факты потери идеала, начинающиеся с, казалось бы, незначительных отклонений от него. Вот почему тезис, гласящий, что «отклонение и есть единственно возможная форма и способ реализации всеобщего идеала» [4, 199], представляется неправомерным: ведь как только сам идеал начнет подвергаться корректировке

«условиями места и времени..., особенностями личности» [4, 199], открывается большая вероятность его существенной деформации, например подмена ленинской идеи советской власти принципами административно-командной системы.

Следует, однако, подчеркнуть, что далеко не все факты вовлеченности человека в реальность, противоречащую его идеалам, говорят об отказе от последних. Людям то и дело приходится выполнять неприятную работу, занимать должности, к которым не стремились, подчиняться несимпатичному начальству, проживать в не устраивающей местности, брать себе в жены вовсе не мадонн и вакханок... Но это отнюдь не отступление от идеала, который, словно затаившись, ждет своего часа — и при первой возможности, подвижные сохранившимися идеалами, те же люди переходят на другую работу, меняют начальство, переезжают в другую местность и нередко только на старости лет находят по-настоящему любимую подругу. При [76] знание неявной живучести идеалов и позволяет рационально объяснить многие, на первый взгляд, неожиданные поступки и странные формы поведения. А кажутся они таковыми только потому, что люди со стороны судят о природе идеалов поверхностно, а то и просто не хотят с ними считаться.

Говоря о живучести идеалов, мы, естественно, не исключаем возможности их динамической трансформации и даже разрушения. Непременным условием этого являются глубокие размышления и потрясения, которые, в свою очередь, обычно вызваны бурными внешними событиями. Историки и социологи говорят про неизбежную замену одних идеалов другими в результате определенных изменений в обществе (скажем, перемещение акцента с материальных ценностей на духовные и наоборот).

Переосмысление идеалов имеет место и в относительно стабильных условиях. Социологи, например, отмечают в современной Америке сдвиг в сторону таких идеалов, как забота о собственном здоровье и осмотрительность, вытесняющих суровые пуританские идеалы самоотверженного труда и самодисциплины [21, 348–358]. Смена идеалов характерна для ищущих, пытливых умов, способных убедиться в ущербности привитых с детства идеалов; например, разрыв Льва Толстого со своим сословием и переход на позиции патриархального крестьянства.

Затронутый здесь вопрос о возможной смене идеалов да, впрочем, и другие заслуживают дальнейшего разностороннего изучения. В данной же статье решались поставленные задачи — обозначить психологическую проблематику идеалов и ввести ее в контекст общепсихологических закономерностей. При всей, однако, эскизности изложенного взгляда на психологическую природу идеалов, он подводит к ряду соображений, которые могли бы стать предпосылкой для выхода на решение практических задач; эти соображения представим в самом общем виде.

При решении любых проблем социального взаимодействия необходимо считаться с конкретными идеалами субъекта, выступающими для него неотъемлемой духовной ценностью, — подобно тому, как приходится считаться с другими особенностями личности: ее способностями, чертами характера, уровнем интеллекта и нравственными качествами. Формирование передовых общественных идеалов не осуществляется автоматически как простое следствие социальных условий — оно может столкнуться с уже сложившимися у личности идеалами. Здесь уместно напомнить часто цитируемые слова Ленина: «Самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда вы не сумеете слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми „узкими“ и мелкими житейскими вопросами данного класса» [1, 408] (обычно при цитировании опускают вторую часть, где речь идет о мелких житейских вопросах). Отсюда логически вытекает вывод о том, что высокие идеалы могут натолкнуться на очень серьезные и

трудно преодолимые препятствия в виде, в частности, других идеалов — не столь высоких, это и вовсе иного содержания. Следовательно, забота о выработке у человека положительных идеалов должна начинаться, когда он еще в самом раннем возрасте, и тогда же следует уже вести борьбу с возможностью образования отрицательных с точки зрения общества идеалов, которые не являются досадными случайностями, а имеют определенную вероятность возникновения у субъекта.

Рациональное воспитание идеалов предполагает также укоренение строгого рефлексивного отношения к ним, конкретнее, постоянной самопроверки того, насколько сохранилось genuinное их содержание и не исказилось ли оно под влиянием всевозможных внешних обстоятельств. Рефлексивность призвана выполнить и другую задачу; поскольку, как было показано, в образовании идеалов участвуют психологические механизмы обесценивания и повышенной оценки, носители идеалов склонны некритически относиться к собственным и принижать чужие. Осознание этого должно способствовать более объективному взгляду на свои и не свои общественно приемлемые идеалы, что, в свою очередь, не просто обогащает и [77] возвышает личность, делая ее толерантной, благорасположенной и доброжелательной, но и помогает предотвратить многие конфликты (между отцами и детьми, начальником и подчиненным, учителем и учащимся, членами производственного коллектива, супругами, представителями разных национальностей и всеми другими взаимодействующими людьми, придерживающимися различных субъективных идеалов).

В настоящее время прогрессивным признается принцип плюрализма — подходов, мнений, научных воззрений, способов преодоления трудностей и т. д. И, думается, в данном ряду одно из первых мест должны занять идеалы, так как только при таком условии может быть достигнута высшая цель, во имя которой провозглашен сам принцип плюрализма, — полная гуманизация общества.

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1971. 662 с.
2. Горынь В. И. Общественно-эстетический идеал. Киев, 1983. 140 с.
3. Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов-на-Дону, 1983. 184 с.
4. Ильенков Э. В. Идеал // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 195–199.
5. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 3. М., 1967. 1006 с.
6. Калинин А. Т. Эстетический идеал, искусство, познание. М., 1983. 120 с.
7. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1960. 616 с.
8. Осичнюк Е. В. Идеал и деятельность. Киев, 1981. 184 с.
9. Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. 3-е изд. М., 1986. 464 с.
10. Психологический словарь. М., 1983. 448 с.
11. Розет И. М. Психология фантазии. Мн., 1977. 312 с.
12. Розов А. И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 117–125.
13. Розов А. И. Психологические предпосылки музыкального эффекта в свете общей концепции продуктивной деятельности // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 80–90.
14. Розов А. И. Психологические аспекты религиозного удвоения мира // Вопросы философии. 1987. № 2. С. 118–127.
15. Розов А. И. Речевая деятельность как преодоление конфликтной ситуации // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 100–107.
16. Розов А. И. Некоторые психологические вопросы проблематики социокультурных норм // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 112–119.
17. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. 596 с.
18. Соловей Л. А. Практическая природа идеалов познавательной деятельности. Киев, 1986. 219 с.
19. Ястребова Н. А. Формирование эстетического идеала и искусство. М., 1976. 296 с.
20. Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977. 276 с.
21. Ossowska M. Sociologia moralności. Warszawa, 1986. 397 s.
22. Ross E. A. Principles of sociology. N.Y., 1920. 708 p. [78]

